ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ ТИХОНОВА В АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ Р. А. БАГДАСАРЯН

Переводы произведений выдающегося русского советского поэта Николая Тихонова (1896—1979 гг.) на армянский язык до настоящего времени не привлекали внимания исследователей. Между тем освещение и изучение творчеоких взаимосвязей русского поэта с Арменией и армянской литературой было бы неполным без рассмотрения этой стороны взаимоотношений Николая Тихонова с древней армянской землей, с ее народом и, в частности, с художественной интеллигенцией.

Творчество поэта и прозаика находило живейший отклик в сердцах армянских читателей, привлекало поэтов, переводчиков, литературоведов. Поэзия и проза Николая Тихонова неоднократно публиковались в литературной печати, издавались отдельными книгами

на армянском языке уже с тридцатых годов.

Обращение армянских поэтов и переводчиков к творчеству Н. С. Тихонова являлось одним из аспектов взаимодействия армянской литературы с творчеством видного писателя и русской литературой в целом

Поэтические жемчужины Николая Тихонова привлекали в разные поды таких известных мастеров слова, как Гурген Маари, Вагаршак Норенц, Гегам Сарян, Ваагн Давтян, Сильва Капутикян, Геворк

Эмин, Рачия Ованесян и др.

Одной из первых была переведена знаменитая «Баллада о гвоздях» из нашумевшей в двадцатые годы книги стихов «Брага». Она известна в нескольких переводах, сделанных армянскими поэтами в разные годы. В 30-е годы к ней обратился Г. Маари, который постарался передать суть тихоновской баллады, размер и ритм стихов, сохранив при этом естественность звучания произведения на армянском языке. Поэт, тонко чувствуя оригинал, бережно воссоздает напряженную атмосферу стиха, неизбежность и трагизм предстоящего, стойкость людей, идущих осознанно на верную гибель. В переводе Маари есть удачные находки, свидетельствующие о том, что переводчик далек от буквального, «слепого» толкования слов.

«Баллада о пвоздях» позднее привлекла внимание А. Варданяна— переводчика, хорошо понимавшего и чувствовавшего истинную поэзию. Тихонов в его переводах представлен наиболее полно в своеобразной антологии «Избранные страницы русской советской поэзии» (1963), где нашли место десять стихотворений, написанных в различные периоды творчества и дающие более полное представление об этапах развития русского поэта. Среди них—«Праздничный, веселый, бесноватый...», «Армения», «Костер», «Рубашка», «Ворота Искандера», «Сон» и др. Некоторые из переводов А. Варданяна до настоящего времени остаются единственными на армянском языке из поэзии Н. Тихонова и уже потому представляют определенную ценность.

Перевод «Баллады о гвоздях», выполненный А. Варданяном, заметно отличается от работы Г. Маари. Переводчик дает нам совершенно новый вариант тихоновской баллады. А. Варданяну не чужд дословный перевод, если он отвечает задачам достоверной передачи

ритма, интонации и благозвучия стихов, разумеется, не в ущерб «духу» и идейной насыщенности произведения.

В середине 70-х годов свой перевод баллады Тихонова предложил Р. Сарухан. Его интерпретация опиралась на достигнутое предшествующими переводчиками и тем не менее внесла свежую струю в трактовку произведения. Сарухан находит свое решение выразить в краткой, лаконичной, близкой Тихонову форме суть баллады, не повторяя до него найденного А. Варданяном и Г. Маари.

В имеющихся на армянском языке переводах баллады в целом сохранен дух тихоновского стиха, близость к подлиннику, адекватность

образных решений.

В результате сопоставительного анализа переводов «Баллады о гвоздях» обнаруживается любопытная особенность: право на полноценное существование имеют все представленные выше переводческие работы. В подобных случаях в опор вступают неодинаковые и самостоятельные переводческие решения одной и той же задачи, разные прочтения одного и того же поэтического текста, дополняющие и обога-

щающие представление о произведении-оригинале.

В придцатые годы армянский читатель получил другую известную балладу Николая Тихонова-«Песня об отпускном солдате». Переводчик Хорен Радио (Х. Г. Аджемян) попытался передать весь трагизм и эмоциональный накал сочинения. Он дал развернутую картину боя, однажо сделал это весыма многословно, не всегда выдерживая образный строй, интонацию и ритм тихоновской баллады, что не могло не сказаться на точном вооприятии ее на армянском языке. Хорен Радио удлиняет, усложняет (порою неоправданно) слог, настраивая на былинный лад.

В семидесятые годы к этому же стихотворению обратился А. Мартиросян, попытавшийся дать новое прочтение ранней баллады Тихонова.

В целом драматизм «Песни юб отпускном солдате», его идейноэстетические достоинства прочувствованы переводчиками и бережно донесены (в меру таланта каждого из взявшихся за нелегкий труд) до армянского читателя. Можно утверждать, что имеющиеся армянские переводы баллад Николая Тихонова, неомотря на свою немногочисленность, дают четкое представление о развитии этого жанра в творчестве поэта.

В сорожовые годы к знаменитой поэме «Киров с нами» (1941), созданной Тихоновым в блокадном Ленинграде и признанной в советс-кой литературе «самой романтической поэмой Великой Отечествен-ной войны» (В. А. Шошин), обращается В. Григорян. Армянский пере-вод поэмы опубликован в 1947 г. в журнале «Советакан гражанутюн ев арвест» («Советская литература и иокусство»). В семидесятые годы над поэмой Тихонова работал Р. Сарухан. Переводчиками была сделана попытка представить на армянском языке насыщенную грозовой

атмосферой военного времени поэму.

В целом и В. Григорян, и Р. Сарухан сохраняют важнейшие доминанты произведения, ее идейную и психологическую насыщенность, им удается обнажить напряженный нерв поэтичеокого повествования. Знаменитый рефрен поэмы-«В железных ночах Ленинграда//По городу Киров идет»—словно нагнетает атмосферу, усиливает эмоциональную струю в восприятии картины гнетущей действительности, настроения автора и героев поэмы ощущаются зримо. Армянские переводчики, к сожалению, отходят от этой ключевой мысли. Так, В. Григорян в начале пюэмы (в первой и четвертой строфах) передает первую строку как «приш пробрить пробрам» («В строгих ночах Ленинграда»), в конце же (строфы шестая и сельмая) считает более приемлемым перевод «впірт фігорорій» («В холодных ночах Ленинграда»). Сарухан переводит строку «Sninib qhippinid lbbhbqpinqh» («В стойкой ночи Ленинграда»), причем каждый раз. в утолу армянскому стиху, варьирует ее: «lbbhbqpinid qhippinid inninib», «Sninib qhippinid lbbhbqpinipib». Если В. Григорян верен себе до кенца в раскрытии, правда, не совсем точно, другой доминанты—«По городу Киров идет»—«Рипирпій «букет» вариантов: «Рипирпій управда не совсем точно, другой доминанты—«По городу Киров идет»—«Рипирпій «букет» вариантов: «Рипирпій управда упрадівній уп

мысль словно разваливается, поэма теряет стержень.
Сопоставляя имеющиеся переводы поэмы, мы пришли к выводу, что каждый из взявшихся за этот труд переводчиков дал свою интерпретацию произведения, внес определенный вклад в более полное раскрытие его идейного содержания и эстетических достоинств, его худо-

жественной формы.

Говсря об «армянском» Тихонове, нельзя обойти вниманием стихи русского поэта, переведенные Ваагном Давтяном. Свежо и искренне презвучало, например, стихотворение, посвященное Аветику Исаажяну:

Послушай хор сердечных голосов На высоте, прозрачным утром рано. То песня гор, полей, ручьев, лесов Иль то стихи звучат Исаакяна?

Известны два варианта перевода этсто стихотворения. Первый опубликован в связи с восьмидесятилетием Исаакяна в 1955 г. В нем Давтян не отходит от подлинника, старается слово в слово передать проникновенные строки Тихонова о великом армянском поэте:

Բարձունքի վրա առավոտ կանուխ Լսիր կարկաչը սրտալի ձայնի. Լեռնե՞րն են երգում, չո՞ւրը հորդարուխ Թե երգն է հնյում Իսահակյանի։

В 1976 г., в овязи с восьмидесятилетием русского поэта, В. Давтян предлагает новый перевод:

քարձունքին կանգնած՝ առավոտ կանուխ Լսիր ղողանջը սրտաբուխ ձայնի, Աղբյո՞ւրն է արդյոք իր հրգը մանում, Թե՞ այդ հրգերն են Իսահակյանի։

Сравнивая варианты, мы пришли к мысли, что В. Давтян в целом успешно справился с проблемами, связанными с передачей художественных и ритмических оссбенностей тихоновского стихотворения. Работа над текстом носит характер лексических, синтаксических доработок.

Примечательно, что к стихотворению «Аветику Исаакяну» обра-

тился в семидесятые годы и поэт Ов. Григорян.

О плодотворных поисках поэта в передаче сути этого доброго и безыскусиого сочинения Тихонова свидетельствует его перевод:

Լսիր սրտից ծորացող այն մեղեդին, Բարձունֆներում, այգարացի ճաճանչում, Դաչտի երդն է, անտառների, Թե՞ գետի, Թե՞ այգ երդն է Իսահակյանի հնչում։

Гамму чувств русского поэта каждый из армянских переводчиков выразил весыма своеобразно и говорить об идентичности переводов не приходится. Разумеется, переводы окрашены собственным поэтическим видением каждого из них. Переводы и В. Давтяна, и Ов. Григоряна имеют право на существование, поскольку близки к оригиналу в главном—верной передаче образного мира стихотворения, эмоциональной возвышенности и излучающих добро тихоновских строк об армянском гении.

Ваагн Давтян в семидесятые годы перевел и такие замечательные стихи Н. Тихонова, как «Мы разучились нищим подавать...», «Смерть друга», «Полюбила меня не любовью...» и др. Остановимся на стихах «Смерть друга»:

Я свежий труп ищу в траве, Я свежий труп ищу. Оп пал с осколком в голове, Я—странно—не грущу.

.

«Убит!»—сказали про него. Я труп его искал, Нашел, поцеловал его И молча закопал.

Это горчащее, пронзительное в своей безысходности и поражающее простой, четкой мыслью стихотворение двадцатилетнего поэта из раннего цикла «Жизнь под звездами» (1916—1917 гг.), Ваагн Давтян перевел, сопереживая каждую строку, улавливая каждое движение души молодого Тихонова:

Ես որոնում եմ ընկերոչս դին, Որոնում այստեղ, ուր խոտ է ու սեզ... Արկի բեկորը դիպել է գլխին... Զարմանալի է, չեմ տխրում ասես,

Ես որոնում եմ ընկերոշս դին Այս խոտերի մեջ և այս ջաղերի... Գտա, համրույրս Թողի ճակատին Ու լուռ Թաղերի...

Армянский поэт сохраняет образный строй и элегический тон стихотворения. Переводчик не впадает в сентиментальность, чутко и бережно передавая потрясшую поэта-бойца картину смерти друга. Давтян далек, впрочем, от буквалистского толкования строк,—он старается усилить воздействие на читателя, придерживаясь канонов армянского стихосложения и в целом достигает высокой ноты звучания в выражении чувства осознанной упраты, с которой вынужден смириться... Так, в последнем катрене своего перевода В. Давтян повторяет первую стрску начального четверостишия (у Тихонова; «Убит)»—

сказали про него») и хотя отходит от оригинала, однако армянский стих звучит эмоционально и психологически убедительно: «bu прийнгизи фід рійфризи при». Эта «неточность» помогает ярче выразить душевное состояние героя, психологический «портрет» при этом не искажен, а «тихоновский» дух сохранен. Есть и другие находки, раскрывающие элегическую тональность этого волнующего стихотворения русского поэта.

В целом переводы В. Давтяна из поэзии Н. Тихонова сохранили в значительной мере идейно-эстетические достоинства подлинника, смогли выразить сдержанную, но богатую гамму чувств русокого поэта.

К поэзии Николая Тихонова обратился также видный армянский

поэт Геворг Эмин.

Он подарил армянокому читателю замечательное стихотворение Н. Тихонова из книги «Орда»—«Полюбила меня не любовью...»:

Полюбила меня не любовью, Как березу огонь—горячо, Веселее зари над становьем Молодое блестело плечо.

Դու ինձ սիրեցիր սիրո՞վ,—ի՜նչ սիրով— Կեչին է այդպես րոցից ճարակում. Երբ տեսնում էի քեզ մերկ ուսերով, Թվում է՝ դեմից արև՜ էր ծագում...

Переводчик не следует слепо оригиналу (образность, удивительная живописность и меткость тихоновских строк—особенно его ранней поэзии—зачастую трудно поддаются переводу), однако верно передает основную мысль стихотворения—душевный надлом, острую горечь героя, не сумевшего сохранить, сберечь любовь. Не совсем удались на армянском яркое и предельно ассоциативное «Как березу огонь—горячо» и последующие строки, однако в целом стихотворение звучит выразительно, рельефно, с психологически верными акцентами, без «своеволия» переводчика. Хорошо и образно переданы Эмином строки, заключающие стихотворение:

Видно, брат, и сожженной березе Надо быть благодарной огню.

Երևում է, որ նույնիսկ ծառն այրված Գիտի գոհություն հայտնի կրակին...

Свою интерпретацию стихотворения дал также поэт В. Давтян. Приведенное выше четверостишие, например, он перевел так:

Սիրեց նա ինձ, բայց ոչ սիրով սովորական, Այլ կրակի պես Բեժ, որ կեչուն է փարվում... Եվ վաչկատան վրա արջալույսի նման Նրա ջահել ուսն էր շողջողալով այրվում...

Здесь В. Давтяну—большому и прекрасному поэту—не удалось, как нам кажется, передать насыщенный стих Н. Тихонова: перевод получился растянутым, напевным, не всегда соблюдены ритм, размер и интонации русского стихотворения. Образный строй также оказалоя несколько смещенным, далеким от ярких поэтических находок Тихонова (особенно неприемлемо звучит «фириштий фри»). Давтяну, как и Эмину, не удалось достичь эмощиональности, образности последнего двустишия—«Веселее зари над становьем//Молодое блестело плечо»,

хотя он и ближе к подлинниху, чем Эмип. Давтян верен Тихонову (по сравнению с Эмином) в переводе заключительной мысли: «Орипси է, вприце, пр ферт у шумфиф реб иршина щет голом же перевод В. Давтяна представляет пе меньший интерес, чем работа Г. Эмина,—благодаря своеобразному прочтению оригинала армянскими поэтами представление читателя о поэзии Н. Тихонова стало лишь глубже. Однако, выделяя чисто художественные достоинства и близость к тихоновским стихам, мы склонны отдать предпочтение переводу Г. Эмина.

Удивительное родство душ русского и армянского поэтов обнаруживается в обращении Г. Эмина к стихотворению «Давайте бросим пеший быт...» из цикла «Горы» (1938—1940 гг.), в котором перепле-

лись прошлое и настоящее:

Давайте бросим пеший быт, Пусть быт копытами звенит. И, как на утре наших дней, Давайте сядем на коней.

А ты забыл, что хмур и сед, И что тебе не двадцать лет, Что ты писал когда-то книги, Что были годы, как вериги, Заботы, женщины, дела,—Ты помнишь только удила, Коня намыленного бок, И комья глины из-под ног, И снежных высей бахрому Навстречу лёту твоему...

Армянскому поэту оказалась близка эта наполненная глубоким смыслом «песнь души» Тихонова, всегда испытывавшего в горах Кавказа необыжновенный прилив творческих и духовных сил. Гсворг Эмин переводит стихотворение в приподнято-возвышенном стиле; мастерски передана ностальгия русского поэта по ушедшим, прожитым годам, по молодецкой удали, вдруг прорвавшейся на воле:

Եկեր դեն նետենը հետևակ կյանքը, Թող դնգա՝ կյանքի առույգ սմբակը, Եվ, ինչպես շահել օրերին անցած, Սանձենը կենցաղի նժույգը անսանձ։

Եվ էլ չես հիշում, Թե հոգնած ես, ծեր, Թե քսան տարիդ վաղուց է անցել, Թե դու երբևէ գրքեր ես գրել, Տարիներն, ինչպես շղքաներ, կրել,

Հոգսեր են եղել, որրծեր, տուն ու կին..., Գու Գիշում ես լոկ սանձը ցո ձեռքի, Միայն նժույգի բաշը փրփրած, Կայծերը՝ նրա սմբակից Բոած, Եվ բարձունքների ձյունը սառած, Որ սուրում են քո ճախրին ընդառաս....

У Эмина, как нетрудно убедиться, множество поэтических находок в раскрытии образов, эквиваленты которых отсутствуют в подлин-

ниже: тихсновский «быт» у переводчика прозвучал как «жизнь»; двустишие «И нет камней, лишь плеск в ушах//Как птичьи плески в камышах» Эмин счел возможным передать выразительными, но совершенно иными реалиями: «Прыжок...—и где же бездна смертельная//Когда даже птицы остались внизу»; «намысленный бок» на армянском преобразился в «вспененную гриву»; «комья глины из-под ног»—в «искры, лстящие из-под копыт», «снежных высей бахрома» передана как «снег замерзший» и т. д. Это, на первый взгляд, спорные и даже неприемлемые отступления от подлинника. (Кстати, есть и действительно неудачные примеры перевода: например, «бышый կзибрр», «ишыйый цыбуштр вышеприведенные метаморфозы! В целом армянский поэт убедительно передает общую атмосферу пронизанного большими, искренними чувствами стихотворения Н. Тихонова, соблюдает, будучи мастером слова, стержневые моменты произведения в гармоническом единстве и богатстве армянского стиха.

В практике Г. Эмина множество образцовых переводов, и ж чис-

В практике Г. Эмина множество образцовых переводов, и к числу их следует отнести также переводы из поэзии Н. Тихонова, представляющие яркий пример художественно-эстетического совпадения

с поэтическим первоисточником.

Художественный перевод—дело подлинного мастера. К числу подобных художников слова относится и Сильва Капутикян, которую привлекла одна из жемчужин ранней поэзии Н. Тихонова—стихотворение из сборника «Орда»—«Мою душу кузнец закалил не вчера...»

Мою душу кузнец закалил не вчера, Студил ее долго на льду. —Дай руку,—сказала мне ночью гора,— С тобой куда хочешь пойду!

И был я беспутен и был я хмелен, Еще кровожадней, чем рысь, И каменным солнцем до ног опален— Но песнями губы зажглись.

С. Капутикян, оставаясь верной духу и стилистике стихов, переводит их так:

Դարբինն իմ հոգին նոր չէր, որ կռեց Հուր ու սառույցում այն կոփեց երկար։ — Տուր ձեռքդ,—լեռը մինում ձայն տվեց,— Քեզ հետ ուր ուղես կգամ անպատճառ։

.

Եվ խծնի եմ բեղել, և խև եմ եղել. Վագրից էլ վայրի ու որսի՝ ժարավ, Բիրտ խանձել է ինձ մի քարե արև,

На перевод этого стихотворения, естественно, наложило отпечаток высокое поэтическое мастерство поэтессы. Капутикян настолько ярко, густыми и сочными мазками воплотила на армянском русские стихи, что они предстали как вполне юригинальное произведение, не искажая сути и образности, торячего дыхания тихоновского «огневого» слова.

Примечательно, что имеющийся удачный перевод не остановил молодого прэта Р. Сарухана, предложившего свое прочтение стихо-

творения.

Остановимся на переводах некоторых «армяноких» стихов Николая Тихонова, занимающих достойное место в инонациональной поэзии русского поэта и особенно близких армянскому читателю.

Стихотворение «Армения» (1924) первым открывало «армянскую» страницу творчества Н. Тихонова и к нему не раз обращались армянские поэты и переводчики. Оно, в частности, известно в переводах В. Каренца, А. Варданяна и Ов. Григоряна. Для наглядности сопоставления имеющихся прех переводов приведем два основных, выражающих суть стихотворения, жатрена (первый и заключительный):

> В ладонях гор, расколотых Стозвучным ломом времени, Как яблоко из золота, Красуется Армения.

Перед азийской глубью Племен, объятых ленью, Форпостом трудолюбии Красуется Армения.

.

Сравним армянские переводы:

ժամանակի հարյուրաձայն լինգով հսկա Ձարդված-ձևղթված իր լեոների ափի վրա՝ **Երևում է, փայլում, որպես խնձոր ոսկյա,** Հայաստանը թազմադարյան

Ասիական այն ցեղերի առջև կանգնած, Որոնը նիրհուն պարուրված են դեռ ծուլությամբ, Հայաստանն է ջանքով փայլում ոգեջնչված, Որպես ֆորպոստ մեծ տրնության։

(А. Варданян)

Լեռների մեջ իր քառաձայն, Մեծ պատմությունը թիկունքին, Հայաստանն է շողում դարձյալ Ոնց հերիաթի խնձոր ոսկի։

Մինչդեռ անդին՝ ափն ասիական Նիրհում է ծույլ, մելամաղձոտ Հայաստանն է հերոսական Շողում, ինչպես ոսկի խնձոր։

(В. Каренц)

ժամանակի լինգով դաժան Ձարդոտված լեռների գրկում, Շողջողում է Հայաստանը-Հերիաթի խնձոր ոսկեպույն։

Եվ Ասիայի քնկոտ հողում Ծույլ ու նիրհուն ցեղերի դեմ, Հայաստանն է պայծառ շողում, Աշխատասեր ու լուսադեմ։

(Ов. Григорян)

Сопоставляя вышеприведенные переводы, можно сказать следующее. В переводе А. Варданяна нарушен размер и ритм стихотворения, строка удлинена за счет введения отсутствующих в подлиннике слов,

отчего меняется весь образный и интонационный строй. Не получили должного раскрытия выражения-«магниты»—«расколотых стозвучным ломом времени», «перед азийской глубью» и некоторые другие. Размыт четкий, лаконичный, чеканный стих; проникнутые ложным пафосом строки в ряде строф перевода далеки от глубоко осмысленной поэзии Тихонова. Переводчик вводит избитые клише, которые не помогают образному и эмоциональному раскрытию облика Армении, а лишь «приземляют» стих. Видимо, это именно тот случай, когда искреннее желание переводчика выразить как можно точнее «дух» и «букву» оригинала обернулось противоположностью—убило и дух, и букву»...

Перевод В. Каренца также, на наш взгляд, не достигает цели, хотя и является еще одним шагом к освоению тихоновской поэзии армянским читателем. Более приемлемым нам представляется перевод

Ов. Григоряна, сделанный в семидесятые годы.

Вместе с тем приходится констатировать, что ни одному из переводчиков не удалось передать на армянском языке в полной мере исключительную экспрессивность и эмоциональность, поэтичность и возвышенность ключевых спрок: «В ладонях гор, расколотых//Стозвучным ломом времени//Как яблоко из золота//Красуется Армения». А ведь именно в этом четверостишии—вся динамика, свежесть восприятия, мир высоких и светлых образов, неповторимый облик древней страны, полюбившейся русскому поэту.

Обратимся к другому известному стихотворению Николая Тихонова об армянской земле—«Армения вставала откровеньем...» (1968)—

в переводах В. Давтяна и Ов. Григоряна:

Армения вставала откровеньем В своей красе суровой неспроста. Мы шли с утра как будто по ступен « Огромного Гегамского хребта.

Здесь высшей доминантой является образ Армении— «откровенья», открытия для русского поэта. Проследим, как удалось раскрыть этот поэтический символ армянским переводчикам.

В. Давтян дал свою интерпретацию «армянского» стихотворения:

Հայաստանն էր բացվում որպես անկեղծություն, Բացվում էր գեղեցկությամբ խիստ ու կարող, Դեռ վաղ առավոտից ելնում բարձունք-բարձունջ. Գնում էինք լեռնային ողնաշարով։

Маститый поэт сохраняет в целом тональность и музыкальность стиха, ритмы и рифмы, хотя несколько удлиняет размер. Есть удачные, на наш взгляд, решения (например: «шили... по ступеням... хребта» Давтян передает «рирапій рершенай», т. е. повтором слова «высота», тем самым сохраняя ощущение «ступеней»). Не совсем удался перевод ключевой строки, открывающей стихотворение: «ший водоль перевод ключевой строки, открывающей стихотворение: «ший водоль поэтом Армении. Плохо прозвучило «грайшерй поришертир». Недостаточно уловлен образный мир заключительного двустишия: «Звеня, светясь, земную страсть превысив!! И бросив сердце в песенный полет» прозвучало в переводе гораздо прозаичнее и «приземленнее»—«вы при вриршеры кр., впорысь в фирпац» Прелесть тихоновского двустишия оказалась недосягаемой... В то же время В. Давтян, оставаясь верным духу подлинника, как и в других своих переводах из поззии Тихонова, создает ощущение подлинной красоты земли

армянской и ее выдающихся людей, легко и возвышенно используя всю гибкость и все богатство армянокого стиха в меру своего таланта.

Перевод Ов. Григоряна подкупает торжественностью и пафосом, зримо создает облик тихоновской Армении, более приближаясь к оригиналу:

Հալաստանն է հառնում հայտնության նման, Իր գաժան ու խիստ գեղեցկությամբ վեհ, Գեղամա լեռան ձիգ ու բարձրագնա Աստիճաններով մագլցում էինը վեր,

В данном переводе ключевая строка прозвучала убедительнее и ближе к подлиннику—«Гшјићи грјагћ» гораздо глубже и вернее передает мысль «Армения—открытие, юткровенье», чсм давтяновское «шћіфодагіріпій» (богатство армянского языка позволяет нюансировать понятие «откровенье»). Образы Григоряна эквивалентны тихоновским, хотя армянокий переводчик в ряде случаев опуокает или заменяет те или иные реалии (Туманян заменен на «великого певца», «ущелья разноцветные»—на «беспредельный мир» и т. д.)ь Однако и Ов. Григорян не смог одолеть заключительных строк стихотворения—перевод («Մшррпіфіпій вій шіріф», іпішшірір пі шій шіріфі шіріпій вій шішіпій вірфіфівірій») слабо отразил тончайшую вязь выразительной тихоновской мысли.

В то же время следует подчеркнуть, что богатство и лексическое многообразие армянского языка в союзе с мастерством поэтов-переводчиков позволили создать два совершенно разных варианта одного и того же стихотворения, в целом не искажая его глубожого содержания и высокого духа.

Среди «армянских» произведений Николая Тихонова одним из значительных и знаменующих определенный этап творчества русского поэта является ранняя поэма «Красные на Араксе» (1924). Это сложное, построенное на структурных, стилистических и лексических конпрастах сочинение было переведено на армяножий лишь в семидесятые годы. Поэт и лереводчик А. Косян довольно успешно представил армянскому читателю талантливое произведение молодого Тихонова, сохранив в целом образный строй поэмы, позволив ощутить прозное «дыханье эпохи». Не имея возможности в рамках журнальной статьи подробно анализировать перевод поэмы, скажем лишь, что переводчику было довольно трудно рассчитывать на успех, впервые взявшись за столь необычный материал. Действительно, легко ли передать без потерь на армянском языке такие образные выражения молодого, «экспериментирующего» Тихонова, как «ночь зыбится и стелется», «о шашку храбрость греется, как о волну волна», «храбрятся копыта», «как вымысел ущельем рта восходит в песен пламя», «ступали буйволы с запинкой», «звезда... вошла в вечернее похмелье», «крашеный звон купца» и др. Тем не менее мы склонны считать эту первую (и пока единственную) попытку перевода «Красных на Араксе» достойной внимания.

Обобщая тему, следует сказать следующее. В своих лучших переводах армянские поэты и переводчики сумели сохранить предельную верность подлиннику, «тихоновский» дух, стилевую тональность и адекватность оригиналу, ритмический рисунок и рифмы, размер и строфику, интонационно-синтажсическую структуру, экспреосивность. эмощиональность и образность стихов русского поэта. Многие стиховорения Николая Тихонова, как видим, известны в нескольких пере-

водах различных армянских поэтов и переводчиков. Немаловажен такой фактор, помогающий длянским поэтам в переводческой работе, как знание русского языка,—в том плане, что оно предоставляет широкие возможности для самостоя ельного отбора произведений, подлежащих переводчики зачастую не владеют русским в достаточной мере, позволяющей «чувствовать» его во всем многообразии и богатстве нюансов, что неминуемо отражается и на их переводческой деятельности. Заметим, что подстрочник (а большинство русских поэтов, в том числе и Н. Тихонов, переводили армянскую—как, впрочем, и любую другую—поэзию по подстрочникам и стояли перед гораздо большими трудностями) в определенной мере ставит переводчика в жесткие рамки. Армянские поэты, переводя поэзию Николая Тихонова, как мы убедились, отдавали предпочтение тем произведениям, в которых без особого труда обнаруживалось родство с их собственным мироощущением и мировоззрением, поэтическим миром (Капутикян, Эмип, В. Давтян и др.).

Армянских переводчиков в поэзии Николая Тихонова привлекали характерные для лирики русского поэта слияние личного, интимного с патриотическими и героическими мотивами, тематическая широта, мастерское раскрытие самых разнообразных претвлений человеческой натуры, поиски все новых, нередко поражающих необычностью и новизной средств достижения наиболее выразительных художественных ре-

шений.

ՆԻԿՈԼԱՑ ՏԻԽՈՆՈՎԻ ՊՈԵԶԻԱՆ ՀԱՅ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

Ռ. Ա. ԲԱՂԴԱՍԱՐՑԱՆ

Udhahaid

Նիկոլայ Տիխոնովի պահզիայի նմուշները տարբեր տարիներին գրավել են Հայ բանաստեղծների և Թարգմանիչների ուշադրությունը։ Սկսած 30-ական թվականներից մինչև օրս Ն. Տիխոնովին Թարգմանել են Գ. Մահարին,
Վ. Կարենցը, Գ. Սարյանը, Վ. Դավթյանը, Ս. Կապուտիկյանը, Գ. Էմինր,
Հ. Հավհաննիսյանը, ինչպես նաև Խ. Ռադիոն, Ա. Վարդանյանը, Հր. Սարուխանը, Վ. Գրիգորյանը, Հովհ. Գրիգորյանը և ուրիշներ։ Ն. Տիխոնովի բանաստեղծությունները, բալլադները, պոեմները «Հորդա», «Բրագա», «Հերոսի որոնումներ» և այլ գրջերից ու շարջերից հայ ընթերցողին են մատուցված հիմնականում հաջող թարգմանություններով, որոնջ ճիշտ պատկերացում են
տալիս տաղանդավոր ռուս բանաստեղծի ստեղծագործության մասին։

NIKOLAY TIKHONOV'S POETRY IN ARMENIAN TRANSLATIONS

R. A. BAGIIDASARIAN

Summary

The samples of Nikolay Tikhonov's poetry attracted the attention of Armenian poets and translators in different years. Beginning from 1930-s up to nowadays G. Mahary, V. Karents, G. Sarian, V. Davtian, S. Kaputikian, G. Emin, H. Hovhannissian, as well as Kh. Radio, A. Vardanian, Hr. Sarukhan, V. Grigorian, Hov. Grigorian and others had translated N. Tikhonov. N. Tikhonov's poems, ballads from "The Horde", "Braga", "In search of a hero" and other books and series were presented to Armenian reader with good translations, on the whole which give the precise idea about the works or the Russian talanted poet.